

«СОВЕТСКАЯ ТАТАРИЯ»

Фестиваль мастеров ленинградского
искусства и литературы

ДЕВИЗ? НЕ ЩАДИТЬ СЕБЯ!

Казанское театральное училище. Сюда приехали ленинградцы: Ю. Толубеев, О. Лебаз и И. Горбачев. Атмосфера непринужденной беседы маститых художников с совсем еще юными людьми, решившим посвятить себя искусству.

— Ленинградскому театру имени Пушкина, — сказал И. Горбачев, — принадлежит честь скрытия ансамблевой школы актеры.

Играть можно тем, что ты запас. Запасайте! Вот сидит среди нас Юрий Владимирович Толубеев. Он для нас образец не только одаренности и искусности, но и одаренности общественной. Успех художника определяется прежде всего гражданской позицией. К нам приходит учиться, как делать инжарь.

Мы собираемся в нынешнем году торжественно отметить пятидесятилетие Советской власти. Подумайте, какой грандиозный переворот мы совершили в истории! Рождается новый человек, в котором исчезает все волчье, что осталось от старого. Да, этот человек еще не кристально чист, но мы, как повзвелевшая баба, стоим у его постели. Вот почему в советской пьесе, олицетворяя себя участником сраженного диспута, видишь себя в атаке. Юрий Толубеев играл в спектакле «На дином берегу». Видели бы вы, как воспринимается зрительным залом каждое слово его, какие слезы вспыхивают в антракте!

Да, есть у нас недостатки, срывает, ошибки. И немало! Сказать по-честному, мы наломали много дров. Но я вспоминаю басню Эзопа. Однажды лиса говорит львице: «Ты, любезная, чистая тунявля. Вот я, маленькая зверек, а каждые два года дюжину листок рожаю. А ты, заная большая, а в два года рожаешь всего-навсего одного детеныша!» Львица почесала ладонь грудью и ответила: «Да, одного... Но меня оправдывает то, что я рожаю льва!».

Это очень мудрая басня... Мы можем ошибаться и ошибались, но мы в содеянном не раскаиваемся. «Оптимистическое отношение». «Смерть Колумбианера». Мы в дальнейшем не только не раскаиваемся, но и гордимся. И но будем жалеть, а мы еще поплачем в подушку. Мы живем. Будем идти дальше. Я говорю не теми же утайки потеху, что убогий и искусство, как и в любви, надо быть откровенным.

В беседе выступает Ольга Яновлева Лебаз:

— Актерская профессия очень сложная, требующая большого труда, выдержки, а главное — готовности не щадить себя. Не надо огорчаться, что вам не пришлось сыграть Жанну Д'Аржи или Весприданцину. Нужно научиться ходить, научиться общаться. Не бойтесь энциклопедических ролей. Маленькая роль — большая школа. Очень важно чувство партнера. Следить за глазами человека, за его мыслью. Брать от парт-

нера его состояние и давать ему все. Это обогащает. В новом спектакле о жизни Антуана де Сент-Экзюпери я играл мать этого французского летчика, отважного романтика и мечтателя. Его играет Горбачев.

Толубеев: — На просмотре «Сент-Экзюпери» я, двадцать лет проработавший рядом с Ольгой Лебаз, спросил: — Кто кто?

Студент (Горбачеву): — Вы прозвучали впервые в студенческом спектакле. Как перешили в актеры?

Горбачев: — Я не собирался быть актером. Я очень хотел быть управдомом. Не смеяться. Хороший управдом — это прекрасно и, уверю вас, романтично... Потом был сморз тещин, я читал сказку Андрусена и получил первую премию. Профессор Макарьев из театрального института (он был в юбке), спросил: «Хочешь, я возьму тебя и себя?». Я ответил: «Хочу!». Вот так.

Друзья мои, каная жизнь кругом выскокая! Часто человеку 27 лет, а он

доктор наук. Жизнь высокая, и надо быть ей по плечу. Вылезает, прошли все репетиции, а кто-то говорит: «Я еще не нашел верна роли». Тогда режиссер кричит: «Петя, иди сюда! А он пускай ищет зерно...».

Даже если режиссер деспот и предлагает, на наш взгляд, что-то неловое — послушайте мой совет: сделайте. Стать на голову? Пожалуй! А потом предложите свое решение. И вы сумеете убедить, уверю вас... Молодежь любит говорить о новаторстве. Полезно, запомнить: новое можно создавать, только зная старое. Ведь и Колумбу, для того, чтобы открыть Америку, надо было отплыть от берегов Испании.

Многие студенты влюблены в студенчество, в свое студенческое время; и, когда это затянывается, — плохо. Я сказал одному: «Вы не знаете, что такое студенческая вечеринка». «Как? Я?!» — удивился он. «Да, вы веселитесь каждый день, не имея на это права. Вы не знаете, что такое веселье, выстраданное борьбой, неизмеримым

трудом, веселье, как удовлетворение чем-то созданным, вызванное преодолением какого-то высокого барьера, когда просто необходимы бокал шампанского и гитара!».

Толубеев: — Два крупных мастера встретились в работе над спектаклем — Охлопков и Щукин. У Щукина, игравшего Кутузова, был большой монолог. Охлопков поставил за спиной Щукина поющий хор. Щукин рассказывал потом, что хор мешал ему, будто гвоздь в стуле.

— Ну как? — спросил Охлопков, сияя.

— Геннально, — ответил Щукин, — но, Николай Пальч, давайте попробуем без хора, а?

И Щукин прочел монолог без хора, да так, что Охлопков немедленно отменил хор. Это и вопросу о взаимоотношениях на работе: Не кричать, не визжать, а убеждать талантом.

Студент (Толубееву): — Смотрите на Сиплого — понимаете. Вожма и наоборот. Как это достигнуто?

Толубеев: — Сыгранность. Это как в теннисе.

Студент: — И даже независимо от импровизация?

Толубеев: — Да. Ведь неизвестно, куда мяч полетит. Должна быть мгновенная реакция.

Студентка: — Очень просим вас скрыть что-то.

Горбачев: — Вот те на! Мы вас тут учили, наставляли, а вы в ответ: — Теперь, профессор, пожалуйста, бритесь сами!

Все весело смеются. Потом наступает очередь О. Лебаз и И. Горбачев исполняют сцену из комедии А. Крона «Второе дыхание».

Тая закончилась эта незабываемая встреча.

Ян ВИНЕЦКИЙ.

На сценке: будущие актеры слушают, ватага дышанье...

Фото В. Зотова.